The OSCE Secretariat bears no responsibility for the content of this document and circulates it without altering its content. The distribution by OSCE Conference Services of this document is without prejudice to OSCE decisions, as set out in documents agreed by OSCE participating States.

FSC.DEL/407/26
4 November 2026

Original: RUSSIAN

1152nd Meeting of the Forum for Security Co-operation
4 November 2026

**ДЕЛЕГАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НА ПЕРЕГОВОРАХ В ВЕНЕ
ПО ВОПРОСАМ ВОЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ
И КОНТРОЛЯ НАД ВООРУЖЕНИЯМИ**

**DELEGATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
TO THE VIENNA NEGOTIATIONS
ON MILITARY SECURITY
AND ARMS CONTROL**

Erzherzog Karl Strasse 182	*Telephone:*	*Telefax:*	*E-mail:*
A-1220 Vienna, Austria	*(+43 1) 282 27 49*	*(+43 1) 280 20 08*	*rfms@chello.at*

ВЫСТУПЛЕНИЕ
руководителя Делегации Российской Федерации на переговорах в Вене по вопросам военной безопасности и контроля над вооружениями Ю.Д.ЖДАНОВОЙ на 1152-м пленарном заседании Форума ОБСЕ по сотрудничеству в области безопасности

(4 ноября 2026 года)

Пункт повестки дня: «Диалог в области безопасности»
Тема: «Управление инцидентами: сокращение рисков непреднамеренной эскалации»

Господин Председатель,

Признательны за созыв «Диалога в области безопасности», посвященного проблематике предотвращения опасных военных инцидентов, и отмечаем вклад основных докладчиков в дискуссию. Это один из приоритетных вопросов с точки зрения обеспечения мира и безопасности в регионе ОБСЕ. Вместе с тем хотели бы сразу обратить внимание на различия в подходах России и государств Запада. Если наша страна выступает за **«предотвращение инцидентов»** (как это сформулировано в соответствующих соглашениях), то председательство и подавляющее большинство делегаций говорят об **«управлении инцидентами/ эскалацией»**. В этом и состоит корень проблемы. Если Россия на всех этапах выступала за **устранение первопричин плачевного положения дел в сфере**

безопасности в регионе ОБСЕ, то западные государства, напротив, **стремятся к сохранению высококонфронтационной среды, в которой они бы сохраняли свободу рук** для нанесения ущерба Российской Федерации. Расчёт на то, что в ответ на это Россия будет проявлять сдержанность – абсолютно тщетный.

Разумеется, сегодняшняя тема тесно взаимосвязана с таким понятием, как **восприятие угроз**, которое само по себе носит субъективный характер. Каждая страна по-своему оценивает степень угрозы. У некоторых политиков, например, вызывает озабоченность сам факт существования России, и тут никакие меры доверия не помогут. И, разумеется, трудно говорить об их эффективности, когда действует политическая установка на нанесение нашей стране «стратегического поражения» на поле боя, на наращивание сил НАТО вблизи российских границ.

Что касается тех государств и их объединений, которые усиливают свое военное присутствие у наших рубежей, то по мере приближения к ним – а этот процесс продолжается уже три десятилетия – у них, вполне естественно, обостряется восприятие угрозы. Они осознают, что вторгаются в чувствительные для безопасности России районы и при дальнейших провокационных шагах их вряд ли ждёт радушный приём. И тут начинаются разговоры о мерах доверия, о транспондерах, о предотвращении инцидентов и прочем... Полагаем, что сторона, которая сама создает угрозу, не вправе рассчитывать на комфортабельные условия проведения враждебного по отношению к нам силового курса. Здесь работает одно правило: хочешь избежать военных столкновений – отведи вооруженные силы от наших рубежей и не допускай провокационных действий.

Господин Председатель,

Наша страна на протяжении многих лет выступала с **конкретными инициативами**, которые способствовали бы укреплению доверия и предотвращению столкновения воздушных судов и кораблей России и государств – членов НАТО, проявляла **открытость к сотрудничеству по**

широкой проблематике обеспечения военно-политической стабильности на принципах равноправия, взаимного уважения и обоюдного учёта интересов.

На заседании Совета Россия-НАТО 31 мая 2018 г. представителям альянса были переданы **предложения Минобороны России по деэскалации напряжённости в Европе**. Они включали в себя:

- восстановление диалога по военной линии (начиная с консультаций экспертов) для обсуждения вопросов, представляющих взаимный интерес и вызывающих озабоченность у России и у наших тогдашних партнёров;

- принятие мер по **снижению активности военной деятельности** вдоль линии непосредственного соприкосновения России и НАТО (Прибалтика, Чёрное море, Арктика) на основе взаимности;

- совершенствование механизма предотвращения опасной военной деятельности и инцидентов в воздушном пространстве и на море, в первую очередь, в Балтийском и Черноморском регионах (фиксация минимальных расстояний сближения самолётов и кораблей и порядка взаимодействия экипажей). Важное значение при этом имела бы практическая реализация инициативы финского президента С.Ниинистё об обеспечении безопасности полётов над Балтикой.

Предлагая указанные меры, Российская Федерация исходила из того, что их реализация способствовала бы большей предсказуемости военно-политической ситуации в Европе. Они регулярно доводились до государств-участников на площадке **«структурированного диалога» в ОБСЕ**, а также в ходе **двусторонних контактов высокого уровня с руководством НАТО**.

На встрече с главкомом ОВС НАТО в Европе Т.Уолтерсом в Баку 10 июля 2018 г. начальник Генштаба ВС России В.В.Герасимов предложил ряд первоочередных мер по снижению напряженности в Европе, в том числе отвод районов оперативных учений от линии соприкосновения России и НАТО.

В ходе встречи 26 ноября 2018 г. с председателем Военного комитета НАТО С.Пичем обсуждались меры по предотвращению инцидентов на линии

соприкосновения Россия-НАТО. Впервые допущена возможность возобновления диалога военных экспертов, который уже в ту пору отсутствовал даже там, где речь шла о необходимости избегать непреднамеренных военных инцидентов.

Возможные меры по предотвращению инцидентов на линии соприкосновения Россия-НАТО обсуждались в ходе встреч начальника Генштаба ВС России В.В.Герасимова с главкомом ОВС НАТО в Европе Т.Уолтерсом в Баку 10 июля 2019 г. и 6 февраля 2020 г. Это – лишь некоторые примеры.

Мы продолжали ожидать конструктивной реакции НАТО на российские предложения.

Кризис пандемии коронавируса стал небывалым шоком для всех государств – участников ОБСЕ. В этой связи в апреле 2020 г. российская сторона «обновила» свою инициативу о взаимных шагах по снижению напряжённости на Европейском континенте. **Министр иностранных дел Российской Федерации С.В.Лавров обратился с письмом к Генеральному секретарю НАТО Й.Столтенбергу**, в котором были изложены российские предложения **о заморозке военных учений и соблюдении военной сдержанности на время всего периода пандемии COVID-19**. При этом наша страна исходила из необходимости снижения уровня конфронтации на фоне общечеловеческой беды, а также высвобождения ресурсов на борьбу с коронавирусной инфекцией.

23 сентября 2021 г. в ходе встречи «на полях» 76-й сессии Генассамблеи ООН Министр иностранных дел России С.В.Лавров вновь привлёк внимание Генерального секретаря НАТО Й.Столтенберга к нашим конкретным предложениям по деэскалации и предотвращению инцидентов вдоль линии соприкосновения.

Реакции снова не последовало.

В целях комплексного решения проблем безопасности в Европе мы изложили наши предложения в **проектах юридически обязывающих**

Договора между Российской Федерацией и Соединёнными Штатами Америки о гарантиях безопасности, а также Соглашения о мерах обеспечения безопасности Российской Федерации и государств – членов Организации Североатлантического договора. Среди них:

- неосуществление и отказ от поддержки действий и мероприятий, затрагивающих безопасность друг друга;

- неосуществление мер в области безопасности, принимаемых индивидуально или в рамках военного союза или коалиции, затрагивающих безопасность противоположной стороны;

- неиспользование территории других государств в целях подготовки или осуществления вооружённого нападения против другой стороны или действий, затрагивающих коренные интересы безопасности;

- поддержание диалога и осуществление взаимодействия по совершенствованию механизмов предотвращения опасной военной деятельности в открытом море и в воздушном пространстве над ним, включая согласование предельной дистанции сближения боевых кораблей и самолётов;

- проявление сдержанности в военном планировании и при проведении учений для снижения рисков возможных опасных ситуаций согласно положениям межправсоглашений по предотвращению инцидентов на море за пределами территориальных вод и в воздушном пространстве над ним (INCSEA)[1], а также в межправительственных соглашениях о предотвращении опасной военной деятельности (ПОВД);

- поддержание диалога и взаимодействия по совершенствованию механизмов предотвращения инцидентов, в первую очередь, на Балтике и в Черноморском регионе;

---

[1] Всего Правительством Советского Союза и Российской Федерации заключены 14 Соглашений со следующими ведущими морскими державами: с США (в 1972 г.), Великобританией (в 1986 г.), ФРГ (в 1988 г.), Францией (в 1989 г.), Канадой (в 1989 г.), Италией (в 1989 г.), Нидерландами (в 1990 г.), Норвегией (в 1990 г.), Испанией (в 1990 г.), Грецией (в 1991 г.), Японией (в1993 г.), Южной Кореей (в 1994 г.), Португалией (в 2000 г.) и Турцией (в 2004 г.). 12 из этих стран являются членами ОБСЕ (и НАТО) и 2 страны – партнеры ОБСЕ по сотрудничеству.

- проведение срочных консультаций на дву- и многосторонней основе, включая Совет Россия-НАТО, для решения проблемных ситуаций, а также поддержание экстренных контактов по «горячим» линиям телефонной связи;

- непроведение военных учений и других мероприятий военной деятельности свыше бригадного уровня в полосе согласованной ширины и конфигурации с каждой стороны от линии границы Российской Федерации и государств, состоящих с ней в военной союзе, а также странами – членами НАТО.

Предлагались нами и другие меры.

Я хочу предельно чётко отфиксировать (и это принципиально важно с точки зрения поднятой сегодня темы), что **на указанные выше предложения западные государства – участники ОБСЕ ответили отказом**.

Приведённые факты явственно демонстрируют, что **с российской стороны на деле неоднократно подтверждалась принципиальная готовность заниматься вопросами деэскалации**. Мы выступали за расширение круга участников договорённостей о предотвращении инцидентов и опасной военной деятельности. Тем не менее, **натовские коллеги отказались конструктивно рассмотреть наши предложения даже в контексте пандемии COVID-19**. Отказались они и от обсуждения **предотвращения инцидентов в формате Россия-НАТО**. Таким образом, заявления руководства альянса о необходимости диалога с нашей страной, важности взаимного учёта озабоченностей в сфере безопасности не реализовались на практике.

Господин Председатель,

Теперь обратимся к современному этапу, который начался с решения альянса «свернуть» деятельность Совета Россия-НАТО и его стран – членов «заморозить» военные контакты с Российской Федерацией. Уже пять лет не проводились предусмотренные соглашениями об INCSEA ежегодные консультации военно-морских экспертов, за исключением относительно недавней встречи по линии министерств обороны России и Норвегии. Каналы

оперативной связи в случае инцидентов нарушены в результате либо высылки военных атташе, либо радикального сокращения их аппаратов (и не Россия была инициатором этого). Похоронен «структурированный диалог», который некогда создавался как площадка для общения военных специалистов. В ходе последнего Ежегодного совещания по оценке выполнения Венского документа 2011 г. о мерах укрепления доверия и безопасности (ВД-2011) в зале сидела лишь одна делегация – Российской Федерации. Все остальные «хлопнули дверью», приняв для себя, как сегодня подтверждается, окончательное решение воевать с нашей страной «чужими руками».

На этом фоне в Вене мы вновь слышим о необходимости использования инструментария ОБСЕ в области предотвращения опасных военных инцидентов и уменьшения опасности в контексте ВД-2011. Проблема состоит в том, что в условиях конфронтации меры укрепления доверия и безопасности зачастую используются не по своему прямому назначению, а в политических целях, в том числе и для дополнительного нагнетания напряженности. Так, мы все хорошо помним американский запрос 2014 г. на проведение инспекции на территории Украины, «включая Крымский полуостров». Не забывается и упорный отказ стран НАТО в том же году признавать результаты многочисленных инспекций и наблюдательных полётов вдоль отдельных участков российско-украинской границы, свидетельствовавших об отсутствии концентрации российских вооружённых сил. Следует признать, что широкая политизация ВД-2011 со времени начала кризиса на Украине в известной мере дискредитировала его в глазах наших военных специалистов.

Не содействует целям деэскалации и курс стран ЕС и НАТО на дальнейшие поставки вооружений Украине, предоставление ей развединформации, наращивание масштабов учений и полётов разведавиации у наших границ, ускоренную милитаризацию Европы, захват перевозящих российские грузы торговых судов, а также отработку блокады Калининградской области. В эти минуты, пока мы с вами обсуждаем

«управление инцидентами», Польша продолжает стягивать войска к российскому региону.

В таких условиях наша страна не видит смысла «изобретать велосипед». Если страны Запада действительно заинтересованы в снижении уровня конфронтации, им следует воздерживаться от провокационных действий, проявлять сдержанность и вернуться к выполнению уже имеющихся соглашений о предотвращении инцидентов и опасной военной деятельности.

Благодарю за внимание и прошу приложить текст данного заявления к журналу дня.